

# «Что может быть лучше свободы?»

Известно, что простым труженникам и в прошлом жилось нелегко. Некрасовские крестьяне долго и почти безуспешно искали, кому живется весело, вольготно на Руси. Попробуем обратиться к этому вопросу к российским лопарям. При этом не будем касаться налогового гнета, притеснений начальства, рассмотрим источники, показывающие, как лопари питались, одевались, что приобретали для повседневной жизни.

Автор солидной монографии "Русские лопари. Очерки прошлого и современного быта" Н. Харузин рисовал весьма мрачную картину. "Начиная с XIII века, — писал он, — история лопарей не дает нам ни одной светлой страницы. История лопарского племени есть... полтысячелетия постоянных страданий".

Однако при обращении к другим первоисточникам (а Кольский полуостров посещали многие путешественники, ученые, чиновники) выясняется, что были лопари и богатые, и малосостоятельные, и просто неимущие.

Наиболее ранние сведения о российских лопарях содержатся в рассказе московского посла Григория Истома (1496 год). "Лопари, — сообщает он, — не знают ни хлеба, ни соли..., употребляют в пищу только рыбу да мясо... Они охотно принимают купцов, которые привозят им платя из толстого сукна, а также топоры, иглы, ложки, ножи, кубки, муку, горшки и прочее".

Английский мореход Стивен Берроу в июне 1557 года видел в гекторе (оконечность полуострова Рыбачий) лопарей, которые покупали у голландцев "серебряные блюда, сосуды и ложки, золоченые кольца, серебряные и золоченые украшения для поясов и какие-то предметы, которые вешают на шею с полагающимися к ним серебряными цепочками". Это, несомненно, зажиточные лопари. "Они, — добавляет Берроу, — сказали мне, что некоторые из них приехали сюда со своих рыбных ловель за восемь недель пути на оленях".

Тот же Берроу наблюдал жизнь иокангских саамов, пришедших весной из внутренней Лапландии на Мурманский берег. "Я видел, — пишет иноземец, — как они едят всякие травы, растущие на скалах, с такою жадностью,

как корова ест траву, когда она голодна. Я видел также, как они ели сырые птичьи яйца и птенцов, сидевших еще в яйцах".

На первый взгляд, рассказ о поедании травы кажется вымыслом. Но послушаем спутников Баренца, которые летом 1597 года возвращались с зимовки на Новой Земле: "Мы высадились на берег и нашли на острове лежечную траву (кохлеарию). Она была нам очень полезна, потому что... почти все страдали цингой и с трудом держались... Мы ели ее полными пригоршнями, так как слышали много похвал об ее качествах, теперь же на опыте узнали, что ее целебная сила превзошла все ожидания".

В XVII—XVIII веках на Мурмане шла довольно оживленная торговля с приезжими русскими и иноземными купцами. Лопари сбывали им рыбу (семгу и треску), ворвань, кожи, пушнину, меховые изделия и всегда имели деньги для приобретения необходимых товаров.

Уровень жизни лопарей заезжие люди определяли по меркам оседлого земледельческого населения. Молодой петербургский ученый Н. Озерцовский, познакомившись с Лапландией в 1771—1772 годах, писал: "Коляне живут бедно, а лопари... еще больше их претерпевают бедность". Поражала крайняя скудость их быта, особенно в летних стойбищах. Инженер Б. Риплас, наблюдавший жизнь лопарей в 1894 году возле озера Имандра, отмечал: "Какой-нибудь котел, несколько тряпок, сеть — и это вся домашняя утварь лопаря, весь его комфорт". Неподалеку от вежи (шалаша) иногда стоял "крошечный сарайчик на курьих ножках для хранения припасов".

Но лопари вели полукочевой образ жизни, при котором излишнее имущество являлось обременительным грузом, затрудняющим переезд с одного промыслового места к другому. Отсюда — небольшие и дешевые строения, минимум домашних вещей. Веками выработался весьма умеренный уровень потребления. Люди довольствовались тем, что необходимо для поддержания жизни, и только в праздники или по окончании промысла, или удачной продаже добытого устраивали не-

что вроде пира, приглашали гостей, покупали русские изделия и продукты питания.

Чтобы правильно судить о социальном самочувствии лопарей, следует обратиться к свидетельствам самих лопарей. К сожалению, из их среды в досоветское время не вышло ни одного писателя. Приходится пользоваться записью их высказываний, сделанных русскими писцами, и в частности — при проведении подворного обследования в 1785 году.

Показательно: никто из лопарей, говоря о питании, не пожаловался на голод. Жители Сонгельского погоста сказали: "Вместо хлеба употребляют они, лопари, весной и летом сосновую кору, которую, содравши, сушат, а потом толкут, после чего варят с рыбной ухью и с оленними щами, и вываривается столь густо, как кисель, а зимою и осенью покупают в Коле у купцов ржаную муку по небольшой части, которую, смешав с сосновой корою, в такой же ухе и щам варят".

Сосновую кашу ("пизьхут") ели не только бедные, но и богатые. Она служила и продуктом питания, и лечебным средством. "По мнению лопарей, — говорит источник 1844 года, — сосновая кора предохраняет их от цинготной болезни".

Терские саамы, обитавшие в восточной Лапландии, во второй половине XVIII века, имели уже значительное число оленей. В летнее время, находясь на промыслах, питались преимущественно свежей рыбой, которую на зиму не запасали. При опросе понойские и иокангские лопари сказали, что "в пищу употребляют в посты и мясоед, по имению рыбы и хлеба, большею частью олень и куропачье мясо". Церковь не запрещала есть мясо в посты на том основании, что другой пищи у лопарей нет. Относительно употребления хлеба понойские и иокангцы ответили: "Запасают покупкою муку ржаную и то по малой части... Из оной муки без закваски делают, по их названию, рески наподобие русского колоба и пекут на очагу при роскладенном огню, а другие и во весь год муки не выдают, только что ядят одно мясо".

И. УШАКОВ.  
Краевед.

(Окончание следует).

# «Что может быть лучше свободы?»

В центральной и западной Лапландии оленей держали очень мало, только для транспортных нужд. Потребности в мясе и шкурах удовлетворяли охотой, которая не всегда была успешной. В рационе решительно преобладала рыба. Даже отдаленные, окраинные погосты поддерживали систематические связи с Колой, покупали в ней все необходимое. Помимо хлеба приобретали сукна и такие вещи, которые обычно позволяли себе лишь те, кто имел достаток: красивые "сороки" — женские головные уборы, украшенные шелковыми вышивками с прикладом "из красного сукна, кумача...", высаженным бисером разных цветов и оловянными пуговицами, называется "затыльник", для девушек — "перевязки из лент шелковых и каразейных".

В питании лопарей отсутствовали молочные продукты. "Самок оленьих, или по-кольски важенок, — писал Н. Озерецковский, — они не доят, как делают шведские лопари, которые из оленьего молока и сыр приготавливают". Российские же не употребляли в пищу и грибы, но собирали и заготавливали впрок ягоды — морошку, бруснику, чернику.

О домашней утвари ответы были схожие: "Все вообще: как имущие, так и неимущие лопари, оловянной и медной посуды не имеют, а имеют ставцы и блюда деревянные, а пищу варят в медных котлах"; "делают сами для себя бочки, ушаты, ведра, чашки и ложки".

На вопрос о денежных доходах жители Масельги сказали: "В доброй год лопарь с женою может достать своим промыслом... рублей до 10, а семейной до 20; из того числа на подать государеву издерживают с каждой (мужской) души по 3 рубля 77 копеек". Терские лопари называли более высокий доход: одинокий и непьющий лопарь зарабатывает до 25 рублей, а семейный — до 50. В сонгельском погосте годовой доход работающей семьи определили в 60 рублей.

Однако сумма годового дохода не может служить основным показателем уровня жизни. Многие русские товары выменивались на меха и рыбу. Шубы и обувь не покупали, их изготавливали сами из оленьих шкур. Хлеб стоил тогда в Коле около 70 копеек за пуд ржаной муки. Но часть полученных денег шла на покупку металлоизделий, пеньки или льна для сетей, на религиозные требы, на разные мирские сборы.

В 1782 году при проведении четвертой ревизии 13 зажиточных лопарских семейств записались в кольское мещанство, а нотозерский лопарь Иван Герасимов "объявил капитал в 500 рублей" и попал таким образом в купечество.

По одежде лопари обычно выглядели людьми далеко не бедными. Известный путешественник Ф. Литке летом 1822 года посетил Иокангский погост. "Лопари, — писал он, — имеют вид довольно порядочный. Мужчины ходят в суконных полукафтаныях, по большей части синего цвета, исподнем платье, суконных чулках и башмаках; женщины в сарафанах и кокошниках или платках на голове". На нищих никто не подходил. По словам другого путешественника, В. Немировича-Данченко, "если лопарь разорится дотла, то спокойно идет в тупу к своему дяде, брату, куму, шурина и поселяется в ней совершенно равноправным членом" — таков вековой обычай — помогать обедневшим соседям.

Распространено мнение о приниженности лопарей. Но вот что сообщает ученый-антрополог А. Кельсиев, летом 1877 года побывавший в большинстве лопарских погостов: "Заметное чувство достоинства в осанке и движениях лопарей происходит, конечно, от свободной жизни, от отсутствия класса, гнетущего капиталом, властью, либо умственным превосходством. Лопарь не умеет принижаться. С каждым приезжим он держит себя как с равным".

Полукочевой быт обрекал лопарей на жизнь в тесных и грязных вежах или куваксах, затруднял устройство школ и медицинских пунктов. Многие русские деятели, желая улучшить положение кочевников, предлагали приобщить их к оседлости, разведению молочного скота, сохраняя при этом традиции оленеводства.

Более трех лет местные власти настойчиво агитировали лопарей изменить образ жизни. Уездный исправник доносил: "Несмотря ни на какие убеждения и доводы о пользе оседлой жизни, лопари положительно отказались перейти к оседлости". Им предлагали ссуду на покупку коровы и устройство жилья. За исключением нес-

кольких человек на это никто не согласился. Лопари заявляли, что они привыкли к полукочевому быту и никакой другой им нежелателен. В отчете о поездке в лопарские погосты чиновник Красовский, между прочим, писал: "Пищу лопарь ест хорошую, хлеб чистый ржаной, весной, летом и осенью — рыбу свежую, а зимою мясо диких оленей, лишений не терпит".

Даже Н. Харузин, считавший жизнь лопарей мученической, ратовавший за переход "к полной оседлости, при которой он (народ) лишь может отдохнуть от своих вековых страданий", признавал, что лопари питаются лучше, чем крестьяне "многих уездов внутренней России".

В 1895 году на Кольском полуострове побывал архангельский губернатор А. Энгельгардт. Он беседовал со многими аборигенами, спрашивая, почему те не хотят жить культурно, по-городски. По словам Энгельгардта, лопари говорили: "Что может быть лучше свободы, шири в тундре и шума в лесах, жизни в незаменимой веже или тупе? Что может быть приятнее и здоровее ежедневной пищи из свежей вкусной рыбы: форели, кумжи, хариусов, семги, сига и прочей? Что может быть веселее той морозной вьюги, когда по гладкой снеговой равнине вихрем несешься в своей кережке, запряженной сильными быками-оленьями, в свою тупу, к своей семье, где находишь у разведенного очага испеченную свежую оленину? Нет, мы не сравним нашу привольную жизнь с приневоленной жизнью в городах: нам вежа, тупа лучше всякого каменного дома!" Скорее всего, лопари говорили не столь поэтично, но судя по всему, их мироощущение, любовь к укладу жизни, родной земле переданы правильно. Губернатор, ссылаясь на сведения, полученные от управляющего государственным имуществом Архангельской губернии, сообщает: "Есть лопари, которые богаты, имеют в банке наличными деньгами по несколько тысяч рублей и владеют большими стадами оленей".

Энгельгардт пришел к заключению, что они вряд ли пожелают променять свою привычную жизнь "на все блага культурной жизни... и еще вопрос, не будет ли та культурная жизнь, которую хотят им преждевременно навязать, лишь способствовать скорейшему их вымиранию". Губернатор высказался за сохранение традиционного образа жизни лопарей, "пока они сами, сближаясь с соседним оседлым населением, без всякого внешнего давления, постепенно не почувствуют потребности в новой жизни".

Постепенно уровень жизни лопарей поднимался. В первую очередь это было связано с развитием оленеводства. В 1909 году во владении лопарей находилось 41.815 оленей — "в среднем по 139 голов на семейство". В XIX веке в быт состоятельных людей вошли самовары, фабричная посуда, спички, керосиновые лампы. Наиболее зажиточные покупали крупчатку, калачи, пшено, изюм, кофе, вина, масло, жилеты, брюки, мыло и целый ряд других товаров.

С развитием пароходного сообщения саамы в значительной мере избавились от господства монополистов-скупщиков, которые крайне занижали стоимость лопарских товаров, уменьшилась зависимость от кредиторов. На Мурмане и в селениях Терского берега появились продовольственные склады, в которых в наиболее трудное весеннее время можно было получить хлеб в ссуду.

Бывший лапландский врач доктор медицины И. Шмаков в 1909 году отмечал положительное влияние русской культуры на быт лопарей. "В настоящее время, — писал он, — во многих лопарских погостах встречаются избы наподобие русских (белые избы), с тою лишь разницею, что они размерами много меньше... Хлеб в настоящее время, с появлением у лопарей русских печей, вошел во всеобщее употребление... Летняя одежда лопарей почти не отличается от одежды русских: ситцевая рубашка, серые суконные штаны, сверху норвежские шерстяные рубашки".

В истории российских лопарей особенно тяжелыми были годы Северной войны при Петре I, 60-е годы XVIII века из-за неблагоприятной промысловой обстановки и обнищания русского населения, времена Крымской войны, когда англичане и французы нарушили ход промыслов и торговли на Кольском Севере.

Несомненно, жизнь лопарей в суровом Заполярье была нелегкой, особенно в феодалный период, когда они подвергались непомерным поборам и насилию кольских властей. Но со всей определенностью можно сказать, что в эпоху капитализма жизнь их мало-помалу улучшалась, и сами они вовсе не считали себя несчастным, обделенным судьбою народом.

**И. УШАКОВ.**

**Краевед.**

Окончание.  
Начало в номере  
за 25 мая.